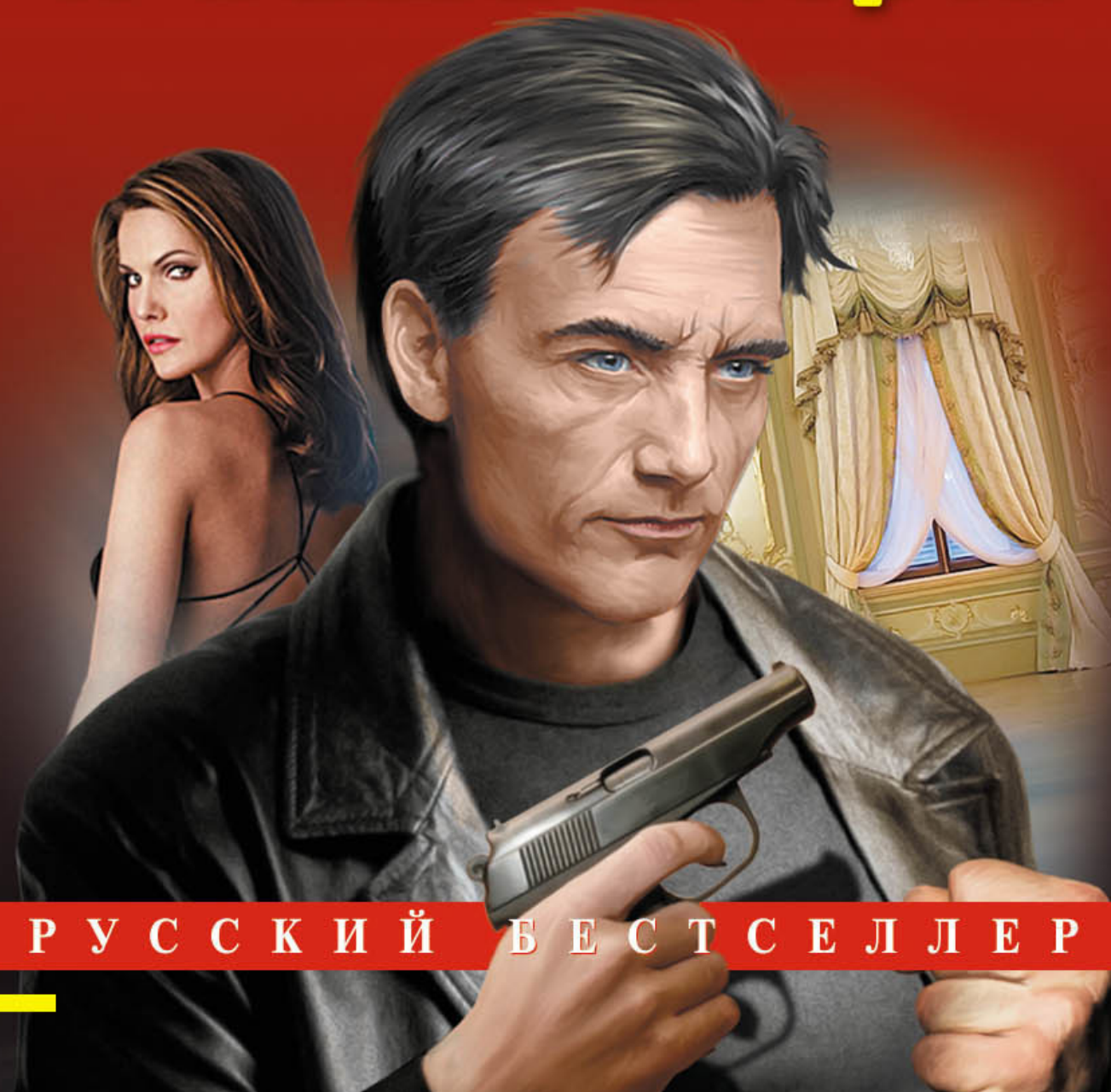

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Откройте, я ваша смерть

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Николай Леонов

Откройте, я ваша смерть

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Откройте, я ваша смерть / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2019 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-105081-8

Новый роман о мастере сыска полковнике Льве Гурове. Четверть века на книжном рынке! Один за другим погибают крупные чиновники, вышедшие на заслуженный отдых. Почерк преступлений схожий: в критический момент старики не получают у себя дома нужное лекарство, и наступает смерть. После этого злоумышленники обчищают квартиру и исчезают. Полковник МВД Лев Гуров решает проверить старые связи потерпевших и допросить скупщиков краденого. Но все безрезультатно. Следствие в замешательстве... Случайно выясняется, что все погибшие пользовались услугами помощников из одного и того же благотворительного фонда. Проверить страшную догадку Гурову помогает его смекалка и... незаурядный артистический талант.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105081-8

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Иванович Леонов

Откройте, я ваша смерть

© Макеев А.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

День был дрянной во всех отношениях. Игорь Лобачев редко жаловался на судьбу и не слыл среди друзей и знакомых нытиком, но то, что творилось сегодня, можно было назвать просто каким-то средоточием невезения. С самого раннего утра в салоне связи, где работал Игорь, начались проблемы. Сначала пропал интернет, и две недовольные дамы, у которых по неизвестной причине с телефонов ежедневно списывались деньги за неоформленные услуги, отправились с жалобой в Роспотребнадзор. Вдобавок отключили на целый час свет, и в салоне сорвалась очень выгодная продажа. Потом позвонил шеф и наорал за то, что со склада до сих пор не забрали новые поступления. Игорь не стал пускаться в объяснения и оправдываться, ссылаясь на то, что им не выделили машину, несмотря на заявку. Он просто побежал на стоянку возле дома, чтобы взять свою машину и съездить на склад. Это было бы самым простым решением проблемы, но машина почему-то не завелась. Вот просто намертво встала, и все тут. Скрипя зубами, Игорь помчался домой и, не спрашивая разрешения у жены, взял ключи от машины тещи, которая в настоящий момент отдыхала в Таиланде.

На складе ему поцарапали крыло на самом видном месте. Как это произошло, никто не видел, а может, просто не стали признаваться. А под конец какой-то умник во дворе торгового центра, в котором располагался салон связи, поставил свою «Газель» так, что Игорь не смог выехать. И вечером ему пришлось оправдываться перед женой. А потом, ближе к полуночи, ему позвонили охранники и сказали, что «Газель» ушла и что машину лучше забрать сейчас, потому что ночью придут две фуры и двор окажется перекрытым на весь день.

Ругаясь и проклиная сегодняшний день, Игорь вышел под морозящий дождь. Повезло хотя бы с такси, которое пришло вовремя. Осмотрев еще раз поцарапанное крыло при свете тусклых фонарей грузового двора торгового центра, Игорь пришел к неутешительной мысли, что скрыть происшествие не удастся. Теща все узнает, и тогда его жизнь превратится в сущий ад. И в этом настроении он выехал на улицу. Дворники лихо смахивали с лобового стекла дождевую воду, наводя своими мерными взмахами на еще более унылые мысли. Игорь так погрузился в себя, что не успел сразу нажать на педаль тормоза, когда в Масловском переулке прямо из-за столба на проезжую часть метнулась темная человеческая фигура.

Пронзительно завизжала резина, машину сразу понесло чуть в сторону, потому что Игорь дернул рулем. Но быстро остановить ее на мокром асфальте не получилось, и, зажмурившись, Игорь почувствовал жесткий удар о капот. Все! Как хотелось думать, что ничего не произошло и все это – лишь дурной сон, наваждение. Но глаза открывать пришлось. И выбираться под дождь из кабины пришлось тоже.

Уже откуда-то сбоку, перепрыгивая через лужи, бежали парень с девушкой. Остановилась встречная машина, и из нее вышел мужчина. Возле тела, лежавшего перед капотом тещиной машины, быстро собрались люди. «Откуда их столько в такое время?» – отстраненно подумал Игорь, глядя на тело пожилого человека. Потом кто-то сказал: «Все, насмерть!»

Хотелось биться головой о столб, о тот же самый капот. И, когда подъехала полицейская машина и Игоря, посадив на заднее сиденье, начали опрашивать, его будто прорвало. Захлебываясь в словах и эмоциях, он стал рассказывать, что так люди не ходят, что старик сам прыгнул на проезжую часть, что это самоубийство какое-то. Тут же всплыло из подсознания умное слово «суицид», и Игорь старательно вворачивал его в каждое предложение. Ведь ночь, дождь, и он ехал, не превышая скорости...

Его всего трясло, и капитан, составлявший протокол, с подозрением поглядывал на глаза Игоря. Не ломает ли его, не наркоман ли он?..

Гуров сидел в своем излюбленном третьем ряду в партере. Как же хорошо, что можно вот так расслабиться, не думая о работе. Не спеша облачиться дома в вечерний костюм, который очень любит Маша, и приехать в театр на премьеру. Приехать с запасом времени, пройтись по фойе, вдохнуть запах театра. А потом – тот самый миг, когда медленно гаснет под потолком огромная люстра и сейчас начнется действие с Машей в главной роли.

Гуров посмотрел на часы. Крячко опоздал к началу, вот нехорошо как! Цветов, что ли, не смог купить? Ну ничего, Станислав никогда не подводит. Мысли о старом друге и неизменном напарнике быстро испарились, Лев сейчас видел только сцену, погружаясь в мир иллюзий и волшебства театральной сцены. А потом вышла Маша со своим монологом, и он вообще перестал думать обо всем, любуясь женой, вслушиваясь в ее голос. Сколько вариантов этого монолога он уже слышал дома, пока Маша репетировала, но сейчас поразился тому, как она читала.

Спектакль был поздний. Начался он в одиннадцать вечера, специально, чтобы дожидаться гостей из Питера и из Минска. Прилетел автор пьесы, после спектакля должен был быть банкет. Несчастье случилось в конце первого акта, когда неожиданно на сцене погас свет. По зрительному залу пронесся взволнованный вздох, потом на сцене раздался стук падающей мебели, потом женский вскрик и новый звук, похожий на падение человеческого тела. В зале зашумели с новой силой, но тут со сцены прозвучал властный, сильный голос режиссера, призывавший не волноваться и не паниковать, специалисты со светом сейчас разберутся. Потом он принес извинения, и воцарилась тишина. Гуров посидел несколько минут, затем решительно поднялся и стал пробираться через ряд, задевая чужие колени.

Свет включился, когда он уже шел на ощупь по коридору, ориентируясь по мелькающему свету фонарика и взволнованным голосам.

– Маша! Я как чувствовал! – бросился Лев к жене, сидевшей в кресле в своей гримуборной.

Возле ее вытянутой и уложенной на мягкий пуфик ноги хлопотали гримерша и девушка-костюмер. На лице Марии было написано не столько страдание, сколько огорчение и разочарование. Подруга жены, Виола Палеева, увидев вошедшего Гурова, картинно прижала руки к груди:

– Вот ведь какая досада, Лев Иванович! Надо же было свету погаснуть, когда Машенька спускалась по ступеням.

Мария протянула мужу руку, и он, присев рядом с ней, приложил ее пальцы к губам. Посмотрев Марии в глаза, Гуров сразу понял, что она сейчас чувствует. Плакала премьеры, к которой Мария Строева так готовилась, в которой она должна была блеснуть во всей своей красе примадонны. Девушки щебетали, что перелома, скорее всего, нет, просто сильный ушиб и растяжение.

В помещение вбежал всклокоченный режиссер. Увидев Гурова, он бросился с извинениями пожимать ему руку, а потом утащил Палееву на сцену заменять Марию Строеву в премьеры.

– Машенька, – покачал головой Лев, с грустью глядя на жену, – надо ехать в травмпункт. Ну что делать, бывают в жизни огорчения, но ведь ты у меня сильная и мужественная. Все зрители знают, что это несчастный случай, и будут ждать тебя, ждать с нетерпением. А когда ты снова выйдешь в этом спектакле на сцену, их восторгу не будет предела. Поверь мне.

Мария смотрела на него, слушала его слова, и на душе у нее теплело. Она устало улыбнулась и провела рукой по волосам Гурова.

– Вот за что я люблю вас, мой полковник, так это за то, что вы всегда умеете найти нужные слова. Правда, спасибо тебе! Вези меня в травмпункт, хотя, уверяю тебя, что ничего серьезного с моей ногой не случилось. Видишь как! Премьера – и обязательно интрига!

– А где у нас примадонна?! – послышался с порога громкий веселый голос Крячко.

Он сиял и расшаркивался с дамами. Но тут же понял, что все присутствующие не очень радостно настроены, и, пробираясь между актрисами, воскликнул:

– Дамы! Не пугайте меня!

– Станислав! – грустно улыбнулась Маша, разводя руками. – Я сегодня не играю. Ты зря спешил с этим роскошным букетом.

– Настоящий полковник всегда преподносит цветы, как знак восхищения, а не применительно к датам! – склонив голову, изрек Стас.

Поездка в травмпункт заняла много времени. Крячко привез Гурова и Марию домой уже в четвертом часу утра. Немного удовлетворения приносил факт, что ничего серьезного с ногой у жены не случилось, хотя и вторая степень повреждения связок – вещь не простая. Уставшая от боли Мария уснула, а сыщики уселись на кухне.

– Ты за рулем, а я могу себе позволить, – хмуро проговорил Лев, доставая из бара бутылку водки.

– Да черт с ним, с рулем! – махнул Станислав рукой. – На такси домой доеду. А утром вернусь за машиной, заодно и тебя прихвачу на работу. Разве я брошу друга в таком состоянии? А еще лучше, пусть стоит до вечера. Обойдусь завтра без колес. Пардон, сегодня!

Гуров посмотрел на хитрую улыбающуюся физиономию напарника и достал вторую стопку из шкафа. Выпили за скорейшее выздоровление Марии, и Крячко принялся рассуждать о профессии театральной актрисы, для которой травма ноги – боль не столько физическая, сколько моральная, душевная.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Лев. – Что об этом говорить. Все будет хорошо. Не первая премьера и не последняя. Валентина пока заменит ее, все равно ей играть вторым составом этот спектакль.

– Виола! – многозначительно поправил друга Крячко, который хорошо знал, что Виола Палеева по паспорту является Валентиной Кузнецовой. – Давай еще по одной, а потом поговорим о делах.

– Молодец! – улыбнулся Лев, чувствуя, что нервное напряжение стало немного отпустить. – Еще по одной рюмке водки, а потом о делах.

– Ну, есть у меня еще скрытые таланты, о которых ты не подозреваешь, – заявил Крячко. – Кстати, Орлов просил утром к нему зайти. Планерки не будет, его к заместителю министра вызывают.

– И ты только сейчас, в первом часу ночи, мне об этом говоришь? – насторожился Гуров. – Или?..

– Тебя не проведешь! – добродушно усмехнулся Станислав. – Я ему звонил, когда ты с Машей у врача был и ей рентген делали. Он не сказал зачем, но думаю, что дело срочное.

– Не люблю я этих заданий для особо одаренных и особо приближенных, – поморщился Лев. – Опять у жены какого-нибудь чиновника высокого ранга шкатулку с драгоценностями украли. Это дело МУРа, а не Главка уголовного розыска. А помнишь, Стас, как мы в МУРе работали?

– Конечно, помню, еще когда Петр туда начальником пришел, – заулыбался Крячко. – Хороший коллектив у нас подобрался.

– Хороший коллектив подобрал Петр, – поправил друга Гуров. – Хороший, работоспособный, профессиональный. Между прочим, именно за эти заслуги Орлова и поставили возглавлять Главк. Он умеет организовать работу.

– Да, – задумчиво произнес Крячко. – Нас трое друзей и осталось, разбросало коллег. Кто на пенсию, кто на повышение в регионы или в Подмосковье. Давно мы вот так не сидели втроем, а?

Дверь из приемной в кабинет Орлова была раскрыта настежь. Генерал кого-то разносил по телефону, не особо стесняясь в выражениях. Гуров посмотрел на пунцовые щеки новой секретарши Людочки и, прикрыв дверь, спросил:

– Давно свирепствует?

– Ой, нет... – смутилась девушка, потом быстро глянула в свои рабочие записи и поспешно добавила: – Петр Николаевич просил, как только вы и Крячко появитесь, чтобы сразу зашли к нему.

Орлов, мельком глянув на вошедших офицеров, сделал знак присесть, а сам продолжил разговор по телефону, расхаживая по кабинету. Тональность беседы явно изменилась. Или собеседник признал свою вину, или Петр Николаевич выдохся, но разговор он закончил уже спокойно, а через минуту положил трубку на стол и посмотрел на сыщиков:

– Ну что, пришли? Хорошо.

– Петр, ты помнишь, кто у тебя там сидит в приемной? Ты хоть дверь закрывай, когда используешь ненормативную лексику в телефонном разговоре, – заметил Гуров.

Орлов посмотрел на старого друга, подошел и, задумчиво похлопав его по плечу, невесело усмехнулся:

– Знаю, все знаю, Лева. Ты у нас эстет. Тебе позволительно слыть эстетом и гурманом. Ты отвечаешь только за свою работу, а я за всех вас. И еще за тех, кто за тысячи километров от Москвы ерундой занимается вместо нормальной службы. Знаю, что ты мне сейчас ответишь. Скажешь, что сам выбирал себе работу, сам соглашался на эту должность, и нечего кивать на обстоятельства, расшатанные нервы и раздолбаев в подразделениях уголовного розыска, которые встречаются еще на просторах нашей страны.

– Скажу, – кивнул Гуров. – Просто надо...

– Ладно, перестань! – махнул рукой Орлов. – Мне самому стыдно бывает за несдержанность. Негоже быть несдержанным мужику, нервами расшатанными кичиться. Тем более офицеру. Я вот погляжу на ваши физиономии строгие, и мне сразу хочется жить и улыбаться.

– У, как все запущено, – тихо шепнул Крячко, пряча улыбку.

– Вспоминаю молодость, – продолжал Орлов, усаживаясь напротив старых друзей. – Эх, какими мы были тогда! Порой думаю, послать бы все дела побоку и позвать вас посидеть за бутылкой хорошей водочки. Да с хорошей закуской. Повспоминать!

– Я тебе говорил, – снова прошептал Крячко. – А на премьеру не приехал. Стыдно!

– Как Маша? – вдруг серьезно спросил Орлов. – Я уже слышал, что там ЧП какое-то случилось. Вы со Стасом всю ночь в травмпункте проторчали.

– Ничего страшного, заживет, – поморщился Гуров. – Обидно, что премьеру ей испортили, обидно, что отпуск срывается. Куда ее с такой ногой. При самом благоприятном исходе раньше чем через месяц к полноценной жизни ей не вернуться. Так и просижу с ней весь отпуск.

– Давай перенесем его, – предложил Орлов.

– Куда? У Стаса свои планы, и...

– А я и не против, – с готовностью вставил Крячко. – Я ехать никуда не собираюсь, все равно отпуск проведу в Москве. Мне что через месяц, что через два, все едино. Как говорится, что в лоб, что по лбу.

– Ну вот и решили, – заулыбался генерал и, поднявшись, пошел к своему столу. – Раз месячишко ты еще в моем распоряжении, то возьми-ка одно дельце. Я его из МУРа забрал.

– «Месячишко», «дельце», – повторил за ним Гуров. – Когда ты начинаешь так выражаться, я сразу чувствую проблему. Тем более что ты дело из ГУВД Москвы забираешь в Главк. Что там, Петр?

– Там смерть, Лева. Смерть заслуженного пенсионера.

– Заслуженного? – насторожился Крячко. – Наверняка занимал в былые времена высокие посты, а сейчас на покое, болезни всякие одолевали? Как-то мне не особенно верится в криминал, когда умирают старики, хотя частенько родственники пытаются доказать нечто подобное. Дай угадаю. Кто-то покушался на квартиру заслуженного пенсионера?

– Даже если и покушались, – подхватил Гуров, – то почему это дело ты забрал из МУРа?

– Все, кончили умничать? – недовольно спросил Орлов.

– Ага, – с готовностью отозвался Крячко.

– В мое чутье перестали уже верить, умники? – снова недовольно спросил генерал.

– Ладно, Петр, извини! – Гуров жестом остановил Крячко, пытавшегося пошутить. – Ты тоже нас пойми. Все на нервах, у Маши сорвалась премьера, травмпункт, месяц с ногой маяться, ночь не спали. Рассказывай, что там тебя смущает.

Орлов несколько секунд смотрел на друзей, потом заговорил своим обычным тоном. Говорил, как будто рассуждал вслух, проверял собственные мысли на весомость.

– Андрей Сергеевич Колотов ушел с госслужбы с должности главы департамента МИДа. Сейчас ему 84... Было. На заслуженном отдыхе он 12 лет, до этого долго не отпускали, привлекали к консультациям и аналитической работе. Но здоровье у старика было уже не очень, отпустили. Сердечно-сосудистая система, давление, атеросклероз. Короче, полный набор старческих хворей, плюс он был еще и астматиком. Как показало вскрытие, умер он, собственно, от удушья. Да и обследование места показало, что старик вовремя не дотянулся до ингалятора, когда ему вдруг стало плохо.

– Прежде чем задавать вопросы по существу, – поднял руку Лев, – ты ответь на один вопрос: лично ты был знаком с Колотовым?

– Если имеешь в виду мой личный интерес в этом расследовании... – насупился Орлов, но Гуров его перебил:

– Нет, я не об этом! Ты лично знал Колотова? Встречался с ним, можешь его охарактеризовать как человека, знаком с его жизнью на пенсии, с его привычками?

– Честно говоря, пару раз я с ним встречался. В последний – год назад примерно. Он меня хорошо помнил. С головой у старика все было нормально. И в остальном он был в порядке. Одевался чисто, не выглядел брошенным запущенным стариком, хотя и жил один.

– В каком департаменте он работал? – вставил свой вопрос Крячко, делая какие-то пометки в блокноте.

– Огорчу, Станислав. Это департамент по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественными объединениями. Скучная работа. Никакого тебе терроризма, никаких кризисных районов и тому подобного.

– Тогда квартира и накопления, – деловито заключил Крячко.

Громко пискнул коммуникатор. Орлов поднял трубку и коротко разрешил пригласить. В кабинет вошел молодой капитан с папкой в руке, доложил о том, что затребованное дело по факту смерти гражданина Колотова доставлено, и положил на край стола папку. Гуров оживился и сразу поинтересовался, не занимался ли капитан этим делом. Но когда узнал, что тот просто завез по пути документы, махнул рукой.

– Все, забирайте! – Орлов пальцем сдвинул папку на край стола. – Сегодня вам время на ознакомление, а завтра утром после планерки жду ваших соображений.

Гуров и Крячко вернулись в свой кабинет. Станислав направился к журнальному столику в углу кабинета и включил чайник. Насыпая в чашки кофе, он продолжал рассуждать:

– Я Петру верю. У него интуиция просто невероятная, он настоящий сыщик. И если он что-то в этом деле увидел, то стоит задуматься.

– Ты сейчас меня или себя уговариваешь? – задумчиво проговорил Гуров, листая дело.

– Ну да. – Крячко замер с ложкой в руке. – Хотя я просто размышляю вслух. Ведь причин смерти может быть только две: естественная и насильственная. Болезни или несчастный случай

– для нас это не тема. Да и Петр бы не стал забирать дело к нам из МУРа из-за этого. А вот если смерть насильственная, то причины желать смерти этому старичку лежат в его прошлом, настоящем или будущем. Правда, настоящее и будущее я бы объединил в одно. Что ценного у старика? Недвижимость, накопления. Вот и все. Помочь умереть и присвоить. Так что либо черные риелторы, либо дальние родственники.

Налив в чашки кофе, он подошел к столу, поставил одну перед Гуровым и уселся на свое место за столом напротив.

– Рассказывай, что интересного там уже есть. Что накопили в МУРе?

– Интересен сам факт возникновения этого дела. – Лев взял один из листков бумаги и откинулся в кресле, перечитывая текст. – Так бы, наверное, никто и не обратил внимания на смерть 84-летнего больного старика. Но поступило заявление от некой гражданки Светловой Елизаветы Николаевны, 1954 года рождения. И эта гражданка просит очень серьезно разобраться в деле о смерти гражданина Колотова. Она считает, что его убили.

– Упс! – Крячко замер, так и не поднеся чашку к губам. – Вот это поворот! И что, у нее есть основания так полагать? Или конкретные подозрения?

– Толком ничего в заявлении нет. – Лев бросил лист на стол и взял следующий. – Видимо, опера не успели ее допросить по какой-то причине, хотя живет она в Москве. А вот соседей опросить успели. Ага... ходили к старику люди. Незнакомые.

– Объяснения от соседей?

– Нет. Только рапорт оперативника, в котором он докладывает, что опрашивал соседей и что ему удалось установить. Оболтус! Это не работа, а попытка свести все к «отказному». А вот запрос о родственниках сделан. Ну, хоть что-то толковое сумели сделать. А это у нас... Результаты вскрытия. Так... Ну, как и говорил Петр, ничего криминального медики не нашли.

– Тогда давай по обычной схеме, – допивая кофе, заявил Крячко. – Выводы нам делать не на чем, для любой версии не хватает исходного материала. Ни для дедуктивной методики, ни для индуктивной.

– Хорошо, давай разберемся с показаниями. Ты езжай к соседям покойного пенсионера, пообщайся с народом, при твоей общительности и твоём обаянии тебе там работы на пару часов. А я попробую разыскать эту Светлову. – Гуров потянулся к телефону. – Кто у нее заявление принимал, почему без подробностей все записано? Отмахнуться хотели, что ли?

Она была красива даже сейчас, в свои 54 года. И она знала это. Женщина была одета в облегающую юбку, стильную блузку. И ее шаг в туфлях на высоком каблуке сразу навел на мысль о подиуме. Возраст немного выдавала кожа на шее и руках, но как она держалась! Гуров не без удовольствия оглядел вошедшую в кафе женщину с ног до головы и сразу представил, как она выглядела в двадцать или в тридцать лет, когда работала секретаршей у Колотова. Тут же возник вопрос, а не были ли они любовниками со своим шефом. Вопрос ни в коем случае не пошлый или неуместный. Для сыщика в данной ситуации он имел важное значение.

– Здравствуйте! – Гуров поднялся и отодвинул для женщины кресло у столика. – Это я вам звонил. Меня зовут Лев Иванович.

– Я помню, – одала полковника очаровательной улыбкой Светлова. – У меня профессиональная память секретарши. Вы знаете, что самое главное в работе секретарей? Наверное, думаете, что подавать шефу кофе?

– О кофе я подумал в последнюю очередь, – с уважением склонив голову, ответил Лев.

– Правильно. Секретарь должна все знать и все помнить. Она – хранилище информации для своего шефа, причем активное хранилище. Секретарь всегда напомнит и шефу, и его сотрудникам обо всем, что должно иметь место, произойти или не произойти.

«Беда, – подумал Гуров, – если она патологический философ, то я погиб: рисуясь передо мной, заболтает. Кажется, ей скучно сейчас живется, но мне не очень хочется оказаться ее

развлечением. Один плюс – такие любители философствовать и просто болтать обо всем часто могут сболтнуть лишнего, чего и не собирались делать. Попробуем на этом сыграть».

– А сколько вы проработали секретарем у Андрея Сергеевича?

Светлова сразу стала серьезной и как будто постарела лет на десять. Нет, возразил сам себе Лев, разглядывая женщину и оценивая ее странную реакцию на такой простой вопрос, она не пустая болтушка, она играет эту роль, чтобы скрыть свое отношение к Колотову. Для нее его смерть, кажется, и правда большая боль.

– Двадцать шесть лет, – ответила Светлова, бросив мельком взгляд на руки официантки, ставившей на стол чашки с кофе. – Не считая перерывов. Мне нравилось у него работать. С Андреем Сергеевичем было интересно, он заражал своей энергией, работоспособностью, желанием постоянно учиться. Он был умен, а работать с по-настоящему умным человеком всегда приятно и интересно. На работу идешь с желанием, и уходить домой не хочется.

– Вы сказали о перерывах в работе, – напомнил Гуров. – Вы увольнялись, переходили на другую работу? Или была другая причина?

– Дважды я уходила в декрет. Я ведь была замужем. Или вы думаете, что между секретарем и ее шефом отношения всегда перетекают из чисто служебной плоскости в интимную?

Это был вызов, Гуров сразу почувствовал, как женщина внутренне напряглась, готовая сражаться за своего шефа. Любила она его или это просто уважение, любовь чисто служебная?

– Знаете, Елизавета Николаевна, – улыбнулся он открытой улыбкой человека, которому нечего скрывать и который ведет разговор искренне, – моя профессия как раз способствует тому, чтобы видеть в людях главное, видеть отношения между людьми, понимать мотивацию поступков. Но, увы, большая часть моего общения происходит как раз с преступниками и людьми, склонными к совершению преступлений и правонарушений. Надеюсь, вы меня не станете судить за то, что негативное мне в голову может приходиться раньше, чем позитивная оценка?

– Вы сейчас оправдываетесь тем, что для вас привычно думать о людях плохое? – усмехнулась Светлова.

– Нет, – покачал головой Лев. – Просто за годы работы в уголовном розыске у меня сформировалась своеобразная привычка первым делом обращать внимание на плохое в людях. Если в человеке неожиданно откроется хорошее – это станет приятным сюрпризом. Хуже, если будешь обращать внимание на хорошее, а потом для тебя станет сюрпризом нечто скверное. Вы не согласны?

Сам Лев так не думал, но ему сейчас было важно спровоцировать реакцию женщины на свои слова. Как она отнесется к такой философии, каков уровень цинизма в ее душе, умеет ли она вообще любить, относиться с человеческим теплом к кому-то, кроме себя. Уж очень она ухоженная и на руки официантки успела посмотреть, проявив недовольство неухоженными ногтями девушки.

– Не согласна? – переспросила Светлова. – Я даже немного шокирована! Разве можно с таким отношением к людям жить? Боже мой, видеть только плохое и ждать, проявится ли само в них хорошее. Неужели все полицейские такие циники? Я вам не верю! У вас слишком умное лицо для человека, исповедующего подобную пошлую философию. Лучше вы уж прямо спрашивайте все, что хотите узнать. Я верю вам, в вашу порядочность.

– Тогда и мне остается поверить вам, – улыбнулся Гуров. – Раз уж мы с вами договорились об откровенности, начну вас расспрашивать по порядку. Почему вы решили, что Андрея Сергеевича убили, что его смерть не была естественной смертью пожилого больного человека?

Сначала Лев решил, что Светлова его не расслышала, так как лицо ее вдруг приняло какое-то отстраненное выражение. Но потом понял, что на Елизавету Николаевну накатили воспоминания, и не стал торопить ее с ответом.

– Не знаю, поймете ли вы меня, Лев Иванович, – заговорила наконец женщина. – Можно ответить, что это интуиция, но что вам проку от нее, когда вам нужны факты и доказательства. А у меня их нет. Но вы не торопитесь! Я сейчас вам еще кое-что скажу. Андрей Сергеевич был одиноким человеком. Родственников практически нет, жена умерла давно, а женщин у него не было, он слишком любил свою покойную супругу. Вы наверняка собирались задать мне вопрос: а была ли я любовницей Колотова? Не была, конечно. И не могла быть. Ни я, ни кто другой. Я иногда навещала его на протяжении этих двенадцати лет. С днем рождения поздравляла, с Днем работника МИДа.

– Есть такой праздник? – удивился Гуров.

– Есть, – грустно улыбнулась Светлова. – С 2002 года есть. 10 февраля. Это связано с историей возникновения первого внешнеполитического ведомства России – Посольского приказа. В документах Российского государства упоминается дата 10 февраля 1549 года.

– Колотов радовался вашим визитам?

– А вы проницательный человек, – усмехнулась она и опустила голову. – Нет, не радовался. Он стыдился того, что из года в год становится все более немощным, что стареет. Честно говоря, и мне было больно смотреть на него такого, но я старалась не показывать вида. Все-таки столько лет проработали вместе. Никто с ним не был так долго, как я.

– И все же! Почему вы решили, что его убили?

– Потому что неожиданно к нему стали ходить какие-то люди. Никогда никто не ходил, по крайней мере так часто. А в последнее время я вдруг узнаю, что к нему постоянно кто-то приходит. Стала расспрашивать его, но Андрей Сергеевич отмалчивался. Может быть, это соцработник, а может, и нет. Соседи видели, как приходила девушка, молодой человек, может, и не один. Вы ведь лучше меня знаете, как у стариков выманивают квартиры. Я думаю, что здесь имел место как раз такой случай. Квартира не маленькая, в престижном районе, в старом элитном доме.

– Может, с возрастом у Андрея Сергеевича появилась потребность в общении? Вы полагаете, что это невозможно?

– Не знаю, – задумчиво произнесла Светлова и стала смотреть в окно. Потом решительно потрясла головой, будто отгоняя ненужные мысли, и ответила: – Нет, Лев Иванович, это невозможно. Нет, он свыкся с одиночеством, он хотел одиночества, я это чувствовала.

– Вы его любили, – неожиданно решившись, произнес Гуров. – Так?

Женщина уставилась на него своими большими, все еще красивыми глазами. В них было напряжение, какая-то затаенная грусть или даже тоска. Потом взгляд стал мягче, а потом она опустила глаза, помешивая ложкой остывший кофе, и прошептала:

– К чему теперь скрывать? И какое это уже имеет значение? Любила. И сейчас, наверное, еще люблю. Хотя я вышла замуж, родила двоих детей. У меня хорошая семья, я ею дорожу. Но мой муж совсем простой человек, я к нему убежала, как в спасительную пещеру от всего мира. Я, правда, когда возвращаюсь домой, как будто отгораживаюсь от всего, в том числе и от прошлого, толстенной стеной. Любила, только это была, наверное, не такая любовь, о которой все говорят. Это безграничное уважение к мужчине, я его боготворила. И если бы он захотел переспать со мной, то я бы его не оттолкнула. Это была бы своего рода дань за ежедневное общение с ним, дань за возможность поработать вместе с таким человеком. А ведь я не развратная женщина, не подумайте.

– Я и не думаю, – серьезно ответил Гуров. – Больше скажу, я вас прекрасно понимаю. Жизненный опыт мне подсказывает, что это возможно и такое отношение встречается довольно часто. Спасибо вам, Елизавета Николаевна!

– Мне? – Светлова удивленно посмотрела на Льва. – Да за что же? Я ведь вам не сказала ничего конкретного, только поделилась догадками и предположениями. Больше даже – страхами.

– Спасибо за доверие! – улыбнулся он и положил свою руку на ее кисть. – Это сегодня такая редкость, когда доверяешь незнакомому человеку или доверяют тебе. Многие, знаете ли, разучились. А вы – нет!

Ни утром, ни днем побеседовать с Орловым так и не удалось. И только вечером, когда улицы наполнились светом фонарей, Петр Николаевич пригласил к себе старых друзей. Выглядел генерал уставшим. Такое с ним бывало всегда, когда он занимался административной работой. Оперативная работа скорее давала ему не усталость, а усталое удовлетворение. Орлов был профессионалом и мог своим делом заниматься сутками без сна и отдыха. Он черпал силы из своей работы. Но вот административная деятельность изматывала его основательно. Тем более в такие вот напряженные дни, как сейчас, когда шла подготовка к очередному заседанию Общественного совета при МВД, когда согласовывались доклады и выступления, заготавливались заранее резолюции.

Увидев входящих в кабинет полковников, Орлов решительно бросил на бумаги авто-ручку, поднялся, потягиваясь, снял китель.

– Садитесь, ребята, я вас сейчас угощу хорошим чаем! Лучше бы коньяком, но мне еще работать и работать. Да и вам тоже.

– Что, нелегка генеральская служба? – осведомился с улыбкой Крячко, усаживаясь на мягкий уголок у окна и разглядывая новые чашки. – Откуда сервизик с таким откровенным восточным орнаментом?

– Орнамент кавказский, – подсказал Орлов, усаживаясь напротив. – И чай тоже. Лучший сбор. Подарок от старого знакомого. Вчера только виделись.

– Думается мне, в подарке от кавказского друга был не только чай, – усмехнулся Стас. – И вино там было домашнее или чача. А может, и коньяк, о котором ты так вскользь упомянул. Но! Мы с Львом Ивановичем не претендуем.

– Ну а если не претендуете, то пейте чай!

Чай был и правда превосходный. Темно-коричневый напиток наполнял чашки, а заодно и воздух кабинета ароматами солнечных склонов Кавказских гор. Трое друзей потягивали его из тонких чашек хорошего фарфора и говорили о погоде, об отпусках, кто и где бывал недавно, какие впечатления до сих пор не оставляют, о рыбалке и хорошей ухе, под которую нет ничего лучше отечественной хорошей водочки.

– Так, опять нас понесло, – покачал головой Орлов. – С усталости, что ли, все темы плавно перетекают в разговоры о выпивке. Давайте-ка о делах. Что у вас появилось по делу Колотова? Какие мнения?

– Мнения очень противоречивые, Петр, – поставив чашку на журнальный столик, заговорил Гуров. – Я встречался с этой дамой, которая написала заявление и считает, что пенсионера убили. И хотя она ничего конкретного не сказала, мне передалось ее впечатление. Видишь ли, она проработала с покойным очень много лет и знала его очень хорошо. В некотором смысле была в него даже влюблена все это время и изредка навещала старика. Единственный факт, но не самый убедительный, который они привела, – это то, что возле пенсионера стали крутиться какие-то люди, и это впервые за последние двенадцать лет. И еще то, что он не хотел говорить, кто эти люди. Точнее, девушка, хотя есть подозрение, что бывали и парни или парень. Но не факт.

– Квартира? Черные риелторы? – спросил Орлов. – Родственники есть у Колотова?

– Родственников нет. Справку нам официально скоро пришлют, но я выяснил, что жена умерла четырнадцать лет назад, сын погиб в автокатастрофе шестнадцать лет назад. Сын был холостяком на тот момент, детей у него не было. На имущество жены Колотова и его сына никто не претендовал. Станислав перетряс всех соседей.

– Да, я поговорил с соседями, особенно с теми, с кем Колотов больше общался. Ходила чаще всего девушка. И, судя по сумкам и пару раз услышанным соседями разговорам, она помогала пенсионеру. Ходила для него в магазин, в аптеку. Убирала ему квартиру.

– Ты говоришь, что чаще приходила девушка? – задумчиво произнес Орлов, покусывая дужку очков.

– Именно «чаще». Бывал и парень, вроде даже два. Но не факт, что они приходили именно к Колотову. Они могли, как считают соседи, приходиться просто вместе с девушкой, ну, как ее друзья. Или помочь ей донести для пенсионера тяжелые сумки из магазина.

– Так, – неудовлетворенно вздохнул Орлов. – Пустышка, значит? И эта ваша мадам просто паникерша? Да еще влюбленная?

– Мадам довольно умная женщина, – возразил Гуров. – И мне показалось, что ее страхи не пустые. Она, при всей их близости с покойным, так и не смогла от него добиться ответа, кто же к нему ходит и зачем. Слабенькие аргументы, но все же.

– Слабенькие, – хмуро согласился генерал. – Ладно, можете считать, что убедили в том, что меня подвела интуиция.

– Нет, Петр, она тебя не подвела, – хмыкнул Крячко, доставая из папки какие-то листки бумаги со штампами. – Есть один момент, который следует учитывать в данном деле. Ни районное отделение Комитета по социальной поддержке населения, ни один из фондов социальной защиты к Колотову своих сотрудников не присылал. Он не стоял у них на учете, потому что не подавал туда никакого заявления.

Глава 2

Гуров вошел в здание мэрии и двинулся по коридору, разглядывая таблички на дверях. Начиналась рутинная работа, без которой в уголовном розыске не обойтись. Чтобы выудить крупинку истины, найти доказательство, порой даже косвенное, нужно перелопатить очень большое количество информации. На начальном этапе расследования всегда так: на сыщика ежедневно льется огромный поток информации по запросам, проверкам, результатам поквартирных обходов и других свидетельских показаний. Все это нужно проанализировать, систематизировать, подшить в дело, зачастую еще сопроводив документ собственным рапортом. Работы много, и на первых порах продуктивность этой работы весьма мала. Это потом, когда уже отработаются основные версии, когда отсеется множество информации, начнется более продуктивный период, и кольцо оперативного розыска начнет сжиматься вокруг одной версии, вокруг маленькой группы подозреваемых. Тогда счет пойдет уже на дни и часы, а пока... Пока – ноги, телефон, интернет, запросы, беседы. Рутинная, о которой не принято писать в детективных романах и которую не принято показывать в крутых боевиках про оперативников. А ведь именно это и есть основа оперативной работы – скучная, методичная, тщательно задокументированная.

Вот и нужная дверь. Гуров толкнул ее и вошел в просторный кабинет, в котором было очень много цветов. Это хорошо, подумал Лев, человек, который любит цветы, уже по определению добрый и отзывчивый. Хотя стоит все же делать поправку на профессию. Добрым людям в чиновниках работать сложно. Тут иные критерии подбора работников.

– Здравствуйте, я – полковник Гуров.

– Да, да, – закивала немолодая женщина, подняв голову от документов, разложенных на столе. Она повела карандашом и указала на кресло возле ее стола. – Присаживайтесь. Лев Иванович, кажется? Я вас слушаю.

– Мне нужна ваша консультация, Ольга Владимировна, – начал Лев, усевшись в кресло и с удовольствием вдохнув воздух, напоенный запахами летней зелени. Почти как в зимнем саду. – Дело очень важное, поэтому на запросы времени нет. Если понадобится, следователь потом оформит и запросы, и все остальное, а мне сейчас просто нужно узнать некоторые вещи.

– Да, конечно, спрашивайте, – улыбнулась женщина чуть напряженно. – Я понимаю, что из центрального аппарата МВД так просто не приходят.

– Я к вам пришел как к человеку, который все знает о молодежи города. Скажите, пожалуйста, Ольга Владимировна, у нас в городе есть молодежные волонтерские движения, которые заняты помощью пенсионерам?

– Ну, все о молодежи я не знаю, но наша работа как раз в том и заключается, чтобы узнавать, помогать, воспитывать, привлекать к самоуправлению. Не путайте, пожалуйста, процесс с конечным результатом. Не знаю, можно ли его достичь в обозримом будущем, ведь мир меняется, меняется и молодежь. Одни выходят из этой категории по возрасту, подрастают новые дети.

– Это понятно, – терпеливо согласился Лев. – Я, наверное, не очень удачно сформулировал свою мысль. Вы занимаетесь проблемами молодежи.

– Да, у нас много волонтерских групп. Это большое и очень полезное движение. Есть энтузиасты, которые помогают бездомным кошкам и собакам, занимаются приютами для животных, находя семьи, которые готовы взять животное в дом. Есть группы, которые помогают в розыске пропавших детей и взрослых, организуют прочесывание местности, опросы знакомых и просто свидетелей в городе. Есть даже такая группа, которая с автохамами борется. Если хотите узнать подробнее, я приглашу специалиста, которая координирует молодежные движения, поддерживает с ними связь.

Ольга Владимировна набрала номер, позвонила кому-то и попросила пригласить к ней Леру. Пока помощницу искали, она рассказывала полковнику из полиции о проблемах молодежи. Гуров слушал, местами поддакивал, но у него сложилось впечатление, что администрация города занимает себя самой простой работой, так сказать, в зоне наименьшего риска. Координировать работу объединившихся в группы хороших ребят нужно, но не это главное, главное как раз – ребята «плохие». Вот кого нужно тянуть с улицы и занимать чем-то, нужно обращать свою энергию на тех, кто не хочет учиться, не хочет работать, кому нравится только развлекаться. И пусть они еще не совершали правонарушений и преступлений, но это категория риска, и тут необходима профилактика. Но спорить Лев не стал. Не место и не время для этого. Да и что он сейчас и здесь сможет изменить? Если уж поднимать этот вопрос, то на коллегии МВД во время заседания Общественного совета.

– Можно? – В дверь просунулась рыженькая хорошенькая головка, а потом появилась высокая стройная девушка в брючках и белой блузке. – Вы меня искали, Ольга Владимировна?

– Да, проходи. Знакомься, это Лев Иванович Гуров из МВД. А это наша Лерочка, координатор молодежной политики в городе.

– Здравствуйте, – серьезно и уверенно сказала девушка и уселась напротив гостя, сложив руки на столе.

После долгой и утомительной игры в терминологию, к которой чиновники относились очень серьезно и никак не желали понимать простых слов, Гуров все же сумел выяснить, что собственно адресной помощью пенсионерам никто из волонтеров ни в одном движении не занят. Причина довольно простая – не рекомендовалось подменять энтузиастами государственные структуры соцзащиты. И не потому, что все пенсионеры были обеспечены такой помощью в полной мере. Просто часто под видом вот таких волонтеров к старикам навевались аферисты, которые узнавали о сбережениях пенсионеров, выманивали под видом продажи уникальных лекарственных препаратов и физиотерапевтических приборов немалые суммы. Да и лишали квартир несчастных стариков по хитроумным и не очень хитроумным схемам.

Гуров расспрашивал очень подробно о волонтерах, их методах работы, лидерах. Работали волонтерские группы чаще всего в своих районах, там, где жили. Те, кому нравилось спасать бездомных животных, прочесывали свои районы, подвалы, опрашивали жильцов, проводили встречи с родителями, на которые просили приводить детей. На этих встречах рассказывали о гуманном отношении к животным, о том, что им нужно помогать, а не мучить и истреблять.

Волонтеры, которые помогали разыскивать пропавших людей, в основном собирались около тех, кто имел доступ к информации о происшествиях. Чаще – вокруг участковых уполномоченных или других офицеров полиции. Иногда возле сотрудников МЧС. Они оперативно получали информацию о людях, которые могли выйти из дома и затеряться в городе в результате временной потери памяти или несчастного случая. Рассыпавшись по городу, поделив его на районы, они прочесывали улицы и дворы, проверяли медицинские учреждения. И уж тем более велика была их помощь при прочесывании лесных и парковых массивов, когда там попадали пожилые люди, дети.

Все это было интересно, многое Гуров знал и сам, и сейчас, так подробно расспрашивая Леру и Ольгу Владимировну, он пытался исподволь понять, имеется ли в районе, где жил Колотов, какая-то волонтерская группа, пытается ли кто-то из волонтеров, несмотря на негласный запрет, все же помогать пенсионерам. Есть ли среди волонтеров те, кто когда-то занимался такой вот адресной помощью ветеранам самостоятельно...

Выйдя на улицу, Лев постоял немного, рассеянно глядя вдоль улицы и думая о своем деле. Ну ладно, представление он получил исчерпывающее. Допустим, эта девица, что приходила к Колотову, к волонтерам отношения не имеет. И адреса ветерана нигде в подобных организациях нет. Вопрос: откуда эта девушка о нем узнала? Соседи показали, что к ним с вопро-

сами никто не обращался. Об этом Станислав расспрашивал их особенно усердно. Так откуда же информация у добровольной помощницы? И куда она делась после смерти старика? Была ли на похоронах эта сердобольная помощница?

В кабинете собрали трех женщин, которые могли описать и опознать девушку, навещавшую Колотова до его смерти. Но хотя они и жили по соседству с пенсионером, эту девушку видели всего несколько раз. На процедуру составления фоторобота пригласили и Елизавету Светлову, которая обладала хорошей памятью на лица и тоже пару раз видела ту девушку.

Крячко подсоединил проектор, и изображение с экрана компьютера появилось на переносном экране. Гуров встал перед женщинами и объяснил им, как будет строиться работа. Надежда у него была только на Светлову с ее профессиональной памятью. А вот домохозяйки его беспокоили. Собственно, его сильно беспокоила вся ситуация, потому что никто из соседок хорошенько не смог рассмотреть девушку, приходившую к Колотову. То ее видели выходящей из квартиры со спины, то она поднималась по лестнице, опустив лицо. А когда женщины стали путаться в том, во что была девушка одета, то сразу возник вопрос, а одна и та же девушка навещала Колотова или это были разные помощницы?

Женщины описывали ее одежду довольно основательно и детально, а вот походку, жестикуляцию или голос описать не могли, длину и цвет волос тоже. Но тут неожиданно помогла Светлова.

– Я видела на ней парик, – заявила она.

– Парик? – удивленно переспросил Крячко. – А подробнее, пожалуйста!

– Куда же подробнее. Женщина всегда смотрит оценивающе на другую женщину, если она ею недовольна или испытывает к ней антипатию. Лев Иванович вот знает, какого рода антипатию к этой девушке могу испытывать я. К тому же я женщина и могу отличить живые волосы от мертвых волос парика. В первый раз я увидела эту девицу с длинными волосами под синей вязаной шапочкой. Они спускались у нее до плеч и имели... ну, это краска с номером тона «7». Спустя пару недель я ее увидела уже без длинных волос, но челка из-под шапочки выбивалась, и это были ее натуральные волосы, только темнее. Впрочем, она могла и покраситься, но волосы были настоящие, а не парик, как в первом случае. А потом еще через пару недель я ее видела в платиновом парике, причем не очень ухоженном. Волосы относительно короткие. Это называется «каре». Было видно, что парик долго лежал и немного деформировался.

– Вот это да! – улыбнулся Крячко и посмотрел на Гурова.

– А еще девочка маникюр делает сама себе, это не салонная обработка ногтей.

– Скажите, Елизавета Николаевна, а что вы можете сказать об одежде девушки? Сможете ее охарактеризовать?

Эта мысль пришла в голову Льву неожиданно. Век живи – век учись. У женщины оказался не только хороший вкус, но еще и наметанный глаз и привычка оценивать людей по внешнему виду. Она, видимо, действительно была хорошей секретаршей. Он ждал ответа, глядя на Светлову с интересом. Другие женщины только непонимающе переглядывались и перешептывались. Одежда как одежда. Все так одеваются, что тут можно сказать.

– Куртка у нее стильная, – чуть подумав, отвечала Елизавета Николаевна. – Стильная, но дешевая. Не из бутика, но и не с рынка. Правда, однажды я ее видела в дорогой куртке, которая была ей откровенно мала. Видимо, купила с большой скидкой в модном магазине, где ее уценили, потому что долго никто не покупал из-за маленького размера. Ну, что еще, шапочки, шарфики, легинсы – все это обычное для молодежи, независимо от социального статуса. Ну, может, только дети очень состоятельных родителей не будут одеваться в таких магазинах, а только в Италии или во Франции. Судя по стилю, у нее нет подруг с хорошим вкусом или достатком. Не у кого ей поучиться одеваться. Значит, она из среднего круга. Может, студентка непристижного вуза, может, из категории офисного планктона довольно средненькой фирмы,

где не вводится даже дресс-код. А может быть, работает в какой-то муниципальной организации.

С составлением фоторобота провозились около трех часов. Крячко три раза ставил чайник, отпаивая уставших женщин чаем, один раз даже бегал в аптеку за корвалолом. И все же работа продвигалась. Если бы не огромный опыт полковников, вряд ли бы что-нибудь получилось. Женщины утверждали, что не видели лица, но постепенно, когда удалось их настроить на воспоминания, на ситуации, когда они встречали девушку на лестнице, на площадке возле квартиры, соседки и Светлова начинали вспоминать, что все же были секунды, когда хоть мельком, но они успевали увидеть лицо девушки.

Сыщики наводящими вопросами помогали вспоминать детали, заставляли повторять прежние воспоминания. И постепенно стала вырисовываться картина. Точнее, портрет. Тонкие светлые волосы, на этом настаивала Светлова, полагая, что у девушки не было роскошных волос. Крячко возражал, но женщина уверенно объясняла, что у людей, имеющих тонкие волосы, имеются и другие характерные признаки в чертах лица, свойствах кожи. Поэтому она настаивала на тонких светлых волосах, светлой, плохо принимающей загар коже с видимыми прожилками мелких сосудов. А еще у девушки, по ее мнению, были тонкие ломкие ногти, небольшие по размеру, редкие короткие ресницы.

– Губы тонкие, – оживились другие женщины, в свою очередь вспомнив некоторые детали. – Когда она их поджимает, они у нее в ниточку вытягиваются.

К началу четвертого часа работы портрет девушки был готов. Гуров и Крячко с надеждой смотрели на женщин, ожидая последнего решительного: «Да, это она, очень похожа». Соседки покойного пенсионера и его бывшая секретарша тихо переговаривались, продолжая обсуждать губы, нос, разрез глаз. Вздыхали, пожимали плечами. Одна из женщин даже всплакнула, прижимая уголок платка к глазам. Старика в доме, кажется, любили. Гуров понял, что дальше им в этом вопросе не продвинуться, и, подойдя к экрану, обратился к присутствующим:

– Дорогие женщины, вы устали, вы просто молодцы и очень помогли нам. Я хочу все же услышать от вас, не зря мы просидели тут с вами несколько часов? Похоже изображение на лицо той девушки или нет?

– Ну да... Наверное, похожа... Вроде она... Как тут скажешь... Если бы мы с ней хоть раз вот так, как с вами, разговаривали, а то все на бегу да мельком.

– Ну, понятно, – подвел итог Крячко. – Давайте я отмечу ваши пропуска и провожу вас до лифта.

Ближе к вечеру сыщики собрались в кабинете начальника Главка. Орлов был немного рассеян и все время потирал затылок. Кажется, у него снова подскочило давление.

– Может, мы утром? – начал было Лев, озабоченно глядя на старого друга, потиравшего мощный затылок.

– Перестань! – отмахнулся генерал. – Утром, вечером! Можно подумать, у меня утром голова болеть перестанет.

Подойдя к своему столу, он порылся в ящике, нашел какие-то таблетки, бросил одну в рот и запил водой из стакана. Шумно вздохнув, вернулся к длинному столу для совещаний, за которым сидели сыщики, и, усевшись с Крячко, спросил:

– Ну, что у вас? Продвинулись?

– Почти весь день бились над фотороботом. – Гуров протянул Орлову листок с распечатанным изображением. – Сходство есть, но мы не уверены, что оно большое. Как выяснилось, девушку, которая навещала Колотова, именно в лицо толком никто и не видел.

– Думаете, это случайность? Или совпадение? – разглядывая портрет, поинтересовался Орлов.

– Данных маловато для такого рода выводов, – пожал плечами Крячко. – Хотя если опираться на показания четырех женщин, которые несколько раз на протяжении последних двух

месяцев видели эту девушку в подъезде, то, пожалуй, приходит в голову мысль, что она умышленно отворачивалась, чтобы ее не запомнили в лицо.

– Но главное-то не в этом! – раздраженно добавил Гуров. – Главное в том, что у нас нет и представления о возможных мотивах убийства. Если это, конечно, убийство или оставление человека в беспомощном состоянии, повлекшее за собой его смерть. Зачем этой девушке и тем, кто за ней могут стоять, желать смерти Колотову?

– А того парня или тех парней, которых как-то видели с этой девочкой, свидетели описать могли? На них фоторобот не получилось сделать?

– Какое там! – махнул рукой Стас. – Толком описать рост и возраст никто не смог. Или хотя бы одежду. Глухо как в танке!

– М-да! – задумчиво протянул Орлов, бросая на журнальный столик рисунок. – Мотива нет, подозреваемых нет, состава преступления, пожалуй, тоже нет. Нет имущественного посягательства. Может, еще раз обследовать его квартиру? Знаете ведь, как иногда бывает. След на пыльной поверхности, оставленный стоявшей там долго коробочкой.

– Чистота там стерильная, – напомнил Крячко. – Это даже в протоколе осмотра места происшествия отражено. Или сам хозяин, или эта девушка, но кто-то там убирался очень старательно и качественно. Причем не один раз навели порядок, а поддерживали его постоянно. Это нам следователь по-женски пояснила. К тому же женской рукой порядок поддерживался. Мужчины это делают немного иначе, хотя и мужчины бывают разными.

– Что-то все равно должно за этим стоять, – покачал головой Орлов. – Это могла быть какая-то мелкая, но очень ценная безделица, или готовились к переоформлению квартиры, но не закончили. Что думаете дальше предпринимать, господа сыщики?

– Первым делом объявить девушку в розыск. Теперь хоть какой-то фоторобот есть. Это первое. Во-вторых, попробуем поработать с теми, кто был на похоронах Колотова. Она могла там быть, ее могли запомнить. Если повезет, то нащупаем ниточку. А вообще, думать надо, Петр! Задачку ты нам подбросил неслабую. Если там, конечно, есть криминал.

– А это самое сложное, ребята, – вздохнул Орлов и поднялся. – Понять, есть криминал или нет его. Когда сразу ясно, что он есть, так хоть версии появляются, потому что мотивы видны. А тут – белый лист бумаги, и рисуй на нем все, что в голову взбредет. Кстати, а пальчики там нашли хоть какие-то, пригодные для идентификации?

– Кроме отпечатков пальцев самого Колотова на мебели, – ответил Крячко, – есть еще отпечатки одного человека. Возможно, двух. Женские маленькие пальчики или детские. Но детей в квартире Колотова никто отродясь не видел, остается надеяться, что это «наследила» та самая девушка. А вот отпечатков второго человека, которые заметно крупнее, почти не нашли. Смазанные, непригодные есть, но это и все.

– Ладно, пока оставим это в памяти на крайней полочке, – задумчиво проговорил Орлов. – Давайте напрягитесь, матерые сыскари! Завтра сочините план дальнейшей работы по этому делу. Прикиньте, что еще из ваших дел можно передать другим сотрудникам в отделе, чтобы вас разгрузить, а сами сосредоточьтесь на деле Колотова.

Гуров весь день разыскивал и опрашивал тех, кто был на похоронах Колотова. Кроме еще одного пенсионера, который когда-то работал с Андреем Сергеевичем и жил неподалеку, на этом горестном мероприятии были несколько соседей по подъезду, в основном такие же пенсионеры, и представитель из мэрии, который перед погребением выступил с короткой речью. Девушку там никто не видел, хотя, как полагал сыщик, она могла присутствовать, только не подходить к могиле. Но это было бы возможно только в одном случае: если она ухаживала за пенсионером из благих побуждений, из сострадания, а не имея корыстных помыслов. Если корысть в его смерти была, то ей незачем было приходить на похороны.

– Вот она и не пришла, – резюмировал Крячко, когда Лев рассказал ему о результатах опросов свидетелей.

– Слушай, Стас. – В глазах Гурова мелькнули знакомые добродушные чертики. – Петра нет на месте, а дело, сам понимаешь, срочное...

– Ты от его имени опять запрос отправил? – усмехнулся Крячко.

– Ну, не хотел еще сутки ждать. Ты же понимаешь, что время идет, информации все меньше в памяти людей. Даже записи с камер наблюдения и те уже стерлись. Не дай бог, конечно, если нам понадобится. Я разослал запрос по Москве для всех участковых уполномоченных. Нам с тобой нужна статистика странных смертей пенсионеров, особенно заслуженных, по которым не возбуждались уголовные дела. Понимаешь меня?

– Хорошо понимаю. Я думал об этом, хотел даже предложить завтра, когда у Петра будем. Но ты уже послал запрос... Ну, поворчит Петр, а дело уже все равно сделано.

– Придется Петру объяснять, что мы из имеющейся информации о Колотове уже ничего не выжмем. Типичный «висяк». Ты же знаешь, что такого рода дела или не раскрываются никогда, или раскрываются случайно, через неопределенное время, когда всплывет какая-то информация, которую мы сумеем оценить или успеем подхватить, – покачал головой Лев.

– Петр это и без нас прекрасно знает... – хмыкнул Стас.

Когда Гуров вернулся домой, то сразу понял, что Маша спит. Это была особенная тишина – тишина домашнего покоя и уюта. Нет, когда Маша не спала, в доме у них тоже было уютно и спокойно, но это была другая атмосфера, атмосфера уютного домашнего движения, или запаха, когда жена готовила, или атмосфера творческая, когда Мария Строева репетировала. Сейчас Лев ощутил блаженную тишину, в недрах которой, уютно свернувшись калачиком, спала жена. Так уютно спать, как спала она, не умел никто на всем свете! Разувшись, Лев тихо вошел в гостиную.

Дом! Как это хорошо, и как много смысла в этом коротком слове. Недавно Светлова высказалась на этот счет, что она, войдя в квартиру, отгораживается от всего белого света. Нет, Гуров, в отличие от нее, не отгораживался. Он приходил в свой маленький уютный мир, в котором ему было комфортно, но не создавал границы или иллюзии границы, работа не позволяла. Но в те минуты и часы, когда не беспокоил телефон, когда его не вызывали на службу или не звонили по делу Крячко или Орлов, Лев умел отключаться. И помогала ему в этом именно жена. Она создавала этот уют, этот тихий мир, берегла его, хотя и ее работа в театре порой заставляла Марию бывать дома довольно редко.

Гуров тихо прошелся по комнате и опустился в кресло у окна. Маша спала, накрывшись не пледом, а свитером мужа и уткнувшись в него носиком. Это было очень трогательно. Он не хотел ее будить, но Мария тут же открыла глаза и прошептала сонным голосом:

– Привет! Ты уже пришел или это я еще сплю?

Гуров промолчал, глядя на жену с улыбкой. Пусть еще немного понежится. Это ведь так здорово – не вставать сразу, не открывать глаза, а дать себе еще минутку сладко подремать.

– Я сейчас, – промурлыкала Мария. – Ужинать пойдем...

А потом они сидели на кухне под большим абажуром, который освещал только стол. Был еще светильник у разделочного столика и раковины. Но уют создавал именно этот любимый абажур. И они ужинали не спеша, потом так же спокойно и неторопливо пили чай из домашних бокалов, а не из гостевых чашек. И было тихо, было спокойно, а за окном город накрывала ночь. Можно почитать перед сном, а потом тихо поцеловать засыпающую Машу в висок, потушить свет и лечь спать...

Телефонный звонок раздался пронзительно и неестественно, хотя эта мелодия была установлена на телефоне Гурова уже лет пять и он привык к этому звуку. Просто сейчас он разрушал мир тихого домашнего уюта, звал туда, в мир преступников, крови, подлости. И это было противоестественно. Маша посмотрела на мужа и опустила глаза. Как часто в это время такие

вот звонки заставляли Льва вставать и уезжать на всю ночь, а то и на две ночи. Ей тоже не хотелось, чтобы именно сейчас все закончилось именно этим.

– Товарищ полковник, – раздался в трубке незнакомый голос, – мне сказали, что по вашей ориентировке из главка звонить можно в любое время. Это по поводу пенсионеров.

Голос был напряженный, излишне нервный. Гуров чуть было не поморщился от досады, но решил не пугать Машу и сделал ленивое выражение лица.

– Представьтесь, – проворчал он в трубку.

– Виноват! – более уверенно отозвался голос. – Капитан полиции Сиротин, старший участковый 216-го отделения полиции Юго-Западного округа.

– Вот теперь давайте по существу, товарищ капитан.

Маша поднялась и понесла посуду в раковину. Включать посудомоечную машину из-за двух тарелок и двух чашек она не стала. Как-то по-особенному разочарованно зажурчала вода из крана. Лев посмотрел на спину жены, и ему показалось, что сейчас уйти со своим служебным разговором с кухни было бы сродни предательству. Это как порвать тонкую и нежную ткань, окутавшую тебя. Как порвать чувства и ощущения. Старею, что ли, с неудовольствием подумал он. Сентиментальным стал. А может, просто я очень люблю Машу. И Лев остался сидеть за столом, слушая незнакомо-го капитана.

– На нашем участке был случай с пенсионером. И как раз заслуженным, как у вас в ориентировке и указывалось. Генерал-майор в отставке Бурунов скончался месяца три назад. Жил одиноко, родственников не было, жена умерла.

– Как давно умерла у него жена? – машинально спросил Лев, еще даже не поняв, почему именно этот вопрос у него выскочил первым.

– Я не знаю, товарищ полковник, – замялся участковый. – Случай-то рядовой, я не особенно вдавался в подробности. И криминала там никакого нет, старик, сердце. Да и произошло все на участке моего подчиненного, старшего лейтенанта Осипова. Он проверку проводил.

Гуров хотел отчитать капитана. Ему следовало знать подробности, ведь дело касается смерти человека, видимо, скоропостижной. А он даже не глянул в предоставленные подчиненным документы. Но сейчас заниматься воспитанием офицера было совсем не время.

– Завтра к девяти утра пришлите этого своего Осипова ко мне на Житную с полной информацией по факту смерти генерала.

– Виноват, товарищ полковник, но, наверное, не получится, – глухо прозвучал голос капитана. – Не работает уже в органах Осипов. Выгнали за пьянство. Он удостоверение до сих пор не сдал. Я его уже пытался найти, но пока не получилось. Пьет, запой у него.

– Вы не поняли меня? – голос Гурова стал ледяным.

С таким он давненько не сталкивался, чтобы человек в погонах вот так отвечал на полученный приказ. Формально полковник для этого капитана не был начальником, даже по другому Главку числился, но все равно, чтобы старшему офицеру из центрального аппарата МВД вот так отвечали! Лев взял себя в руки, чуть помедлил и заговорил снова. Не стоило перегибать палку, ведь обстоятельства увольнения Осипова могли быть действительно сложными. И он на самом деле мог сейчас пить запоем в любой дыре, хоть с бомжами. А у участковых работа напряженная. Нет времени у капитана Сиротина на то, чтобы гоняться еще и за нерадивым бывшим сотрудником. Есть у него дела и поважнее.

– Если дело попало в МВД, значит, это очень важно. Мне нужно это вам объяснить?

– Нет, я понимаю, товарищ полковник...

– Не перебивайте! Это очень важно, и ваш Осипов сейчас чуть ли не единственный свидетель того, что там было в квартире умершего пенсионера. Можно обойтись и без него, но на это уйдет уйма времени, а его у нас нет. Вот что, товарищ капитан. В лепешку расшибитесь, но максимум информации о том, где искать Осипова, мне к утру соберите. Что можно предпринять, сделайте за эту ночь. Утром в девять часов я буду у вас. Подумаем, как быть дальше.

– Есть, товарищ полковник...

Гуров положил трубку на стол и потер лицо ладонями. Может, пустышка, а может быть, этот случай как раз имеет прямое отношение к делу о смерти бывшего чиновника. Хорошо, что он не накричал на этого капитана Сиротина. Очень было бы некрасиво, не зная человека и не зная обстоятельств, так его унижать. И самому унизиться, если уж подумать. Тоже мне, великий сыщик, полковник из Главка! Распоясался! Лев неожиданно рассмеялся и тут же наткнулся на удивленный взгляд жены.

– Ты чего смеешься? – спросила она. – Мне показалось, что ты кого-то там ругаешь по телефону, разнос устраиваешь.

– Это, Машенька, роль такая, – весело отмахнулся Гуров. – Все мы в жизни играем свои роли применительно к обстоятельствам, все мы в какой-то мере актеры по необходимости.

– Что-то не замечала раньше за тобой склонности к лицедейству, – покачала головой Мария. – Это я на тебя так влияю, моя профессия?

– Пошли спать, – предложил Лев, – а то завтра у меня очень тяжелый день.

– Пошли, – согласилась Маша, вытирая и ставя в шкаф тарелку. Она подошла к мужу, провела рукой по его волосам и посмотрела ему в глаза. – Помни, полковник Гуров, что жена всегда любила тебя за прямоту, открытость и честность. Даже когда еще не была женой. Тяжелые дни проходят, на смену им приходят праздничные, а потом снова случаются трудности. Но мы-то не должны меняться. Давай оставаться прежними?

– Давай, – охотно согласился Лев, обняв жену за талию и прижавшись лицом к ее груди.

В половине десятого утра Гуров и Сиротин на служебном «уазике» Сиротина подъехали к старому коттеджу на Варваринской улице. Этот зеленый район за МКАДом активно застраивался новыми загородными домами, но здесь еще оставалось достаточно и старых коттеджей послевоенной постройки. Шиферные крыши терялись в кронах старых деревьев. Заборы сплошь поросли густым кустарником.

Капитан остановил машину у старого, но ухоженного деревянного забора, который явно местами чинили в этом году. Ночью кто-то из участковых позвонил Сиротину и сказал, что Осипов вернулся домой и с кем-то пьет. Музыка у них орет на весь переулок.

– Здесь он живет, – кивнул капитан на калитку с железным ромбиком номера дома. – Тихо чего-то, видать, перепились и дрыхнут там без задних ног. Пока у нас работал, хоть как-то держался, пил только по выходным, а теперь совсем сорвался. Сколько я его ругал, материл по-свойски. Ничего не понимает человек.

– Знаете что, Сиротин, – взявшись за ручку двери, сказал Лев, – вы подождите меня в машине. Я сам. Поверьте, так будет лучше.

– Вы не знаете, какой он, когда пьян, – нахмурился капитан. – А теперь, когда его из полиции турнули, он вообще озлобленный. Со мной он, может, еще одумается, форму увидит, не станет наглеть. А с вами сдуру может и с кулаками полезть. Скажет потом, что не знал, что вы из полиции.

– Я приказываю вам ждать меня здесь! – процедил Гуров сквозь зубы и вылез из машины. Этот участковый раздражал его до невозможности.

Распустив узел галстука и вдохнув свежий воздух зеленого поселка, Лев подошел к калитке. Улочка была пустынной: ни машин, ни людей, да и звуков почти никаких, кроме кричащих где-то в кронах деревьев двух птиц. Положив руку на край калитки, сыщик вдруг обратил внимание, что она не заперта. А что удивляться, сказал он сам себе, если откуда-то вернулись пьяные в дым мужики, да еще продолжили пить всю ночь. Может, под утро кто-то из них домой подался, а хозяин лежит пьяный. Ничего удивительного.

Толкнув калитку, он по растрескавшемуся старому асфальту дорожки двинулся к дому. Двор был запущенный: трава не стриглась, лавка со столиком под окном покосились и потем-

нели от времени, какие-то ржавые ведра у стены кирпичного сарая. Дверь в дом тоже была не заперта, даже закрыта не совсем плотно. Гуров решительно поднялся по двум кирпичным ступенькам и открыл дверь. Две пары обуви: грязные ботинки и стоптанные кожаные плетеные сандалии с оторванным ремешком. Половичок у двери сбит в сторону, вешалка оторвана и висит на одном гвозде.

Глянув вдоль пустого коридора, он увидел две двери в конце и одну слева от себя. Оттуда пахло обычной пьянкой, прокуренными стенами и занавесками, пахло неустроенностью жизни. Ох, сколько таких запахов Лев встречал в своей молодости, когда работал простым оперативником в уголовном розыске. Как правило, все и начиналось у людей вот с таких половичков, оборванных вешалок, запахов. А потом драки, поножовщина на бытовом уровне, сердечные приступы, инсульты, шприцы, смерть от передозировки.

Он вошел в комнату и замер на месте. Все, что вспоминал, все, о чем только что думал, предстало перед его глазами во всей своей мрачной трагической красе. Мужчина в майке, мятых грязных джинсах и с босыми ногами лежал перед обеденным столом, положив руку на опрокинутую табуретку. Под ним расплывалась небольшая лужа крови. На столе три стакана, тарелки с объедками, початая бутылка водки «Зимняя стужа». Еще две пустые валялись под столом.

– Твою ж мать! – Гуров присел рядом с телом и положил пальцы на сонную артерию.

Пульс был, сердце билось, хотя и довольно слабенько. Быстро перевернув мужчину на спину, он увидел рваную рану на майке в том месте, куда попал нож. Наверняка вон тот, что лежит в сторонке с окровавленным лезвием. Майка на боку вся пропиталась кровью. Лев быстро осмотрелся. Ничего, никакой аптечки, а действовать надо быстро, счет может идти уже на минуты. Он сорвал с вешалки длинное кухонное полотенце не первой свежести, разорвал его по длине на две полосы. Выдвинув несколько ящиков кухонного стола, нашел относительно чистые тряпицы. Сложив их тампоном, прижал его к ране и обвязал раненого полотенцами.

Опергруппа приехала из местного отделения полиции через десять минут после того, как «Скорая» увезла Осипова. Его личность подтвердил капитан Сиротин. Около часа следователь и криминалист осматривали дом, а Гуров вместе с капитаном и приехавшим оперативником опрашивали соседей, которые могли слышать ночной шум, видеть тех, кто приходил к Осипову или с кем он сегодня вернулся домой. А еще через час приехал взволнованный Крячко.

– Ну, и во что ты тут вляпался, Лева? Все время себя клянью, нельзя тебя одного никуда отпускать. Как без меня куда-то отправишься, так обязательно с приключениями.

Слушая старого друга, Гуров кивнул на лавку со столиком под окном и предложил:

– Пойдем посидим на свежем воздухе, а то я с самого утра уже набегался.

– Ну, так что это за разборка здесь? – уже серьезно спросил Станислав, когда они уселись в тени деревьев.

– Вчера звонил вон тот капитан – старший участковый Юго-Западного округа. Моя ориентировка по пенсионерам сработала. У них месяца три назад умер старичок, в прошлом генерал-майор, вот он и сообщил. Я ведь просил обращать внимание на заслуженных одиноких пенсионеров. А выезжал на место, когда сообщили о трупе в своей квартире, его подчиненный, участковый, который тот район обслуживал. Сам капитан информацией о смерти генерала не владел, не вникал он тогда в детали. А его сотрудник на сегодняшний день из органов уволен за постоянные пьянки. Я велел найти парня, вот и приехали к нему. А здесь – следы ночной попойки и хозяйин квартиры с «ножевым» в боку.

– Живой?

– Да, живой пока. Если организм сильный, выкарабкается. Удар в бок пришелся. Как я понял, у него просто большая потеря крови.

– Что думаешь? Инсценировка? Решили убрать его?

– Нет, – устало улыбнулся Лев. – Не думаю, что так далеко зашло. Даже если тот второй пенсионер и попадает в наше дело по признакам, то за одну ночь об этом вряд ли могли узнать преступники и суметь организовать покушение. Да и не оставили бы они его раненым, добились бы наверняка.

– Ну, может, ты и прав, – вздохнул Крячко. – Генерал, говоришь? Ладно, давай отрабатывать смерть этого генерала. Я возьму на себя этого капитана, поеду с ним, посмотрю, что в делах у них осталось. По адресочку съезжу, присмотрюсь там: что за дом, какие люди живут.

– Хорошо. Я вернусь в управление, а ты мне сбрось данные на покойного. Проверю его по Министерству обороны, посмотрю, что на него есть, сведения о родственниках подниму. С Осиповым, я думаю, нам раньше завтрашнего утра поговорить не разрешат. Если даже все с ним нормально, если его приведут немного в норму. Он ведь на место выезжал, мог много чего там увидеть.

– Ну, если он пьяница и разгильдяй, я бы на твоём месте особо на разговор не рассчитывал, – покачал головой Стас.

– Есть у меня кое-какие сомнения на этот счет, – задумчиво проговорил Гуров. – Уж больно Осипова его бывший начальник не любит. Сам профессионализмом не блещет, а такие всегда чиновничества требуют и борются за дисциплину во вверенном подразделении. Думаю, парень и так склонен был к алкоголю, а тут еще не сошелся с капитаном. Тот на него давил через начальство в отделении округа, а там никто разбираться не стал, и вытурили его из органов. Не факт, что Осипов такой уж плохой работник был. В любом случае надо проверить и попробовать расспросить его. Разочароваться в человеке мы всегда успеем.

Глава 3

Вилы были старыми, зловеще ржавыми. На разошедшемся черенке они держались плохо и при каждом движении мужчины покачивались, как будто искали жертву. На вид дебоширу было лет около сорока. Рваная футболка на боку испачкана в крови, рукав порван, а на скуле красовалась свежая ссадина. Крячко видел, что мужчина не был сильно пьян, это скорее последствие продолжительного употребления алкоголя, именуемое в народе белой горячкой или попросту «белочкой».

Но не этот тип волновал Стаса Васильевича, а женщина с двумя маленькими девочками у стены дома. Она прижимала к себе девочек лет четырех-пяти, стараясь, чтобы они не смотрели на ополоумевшего мужчину. Из глаз женщины лились слезы отчаяния, ее трясло, а мужик продолжал размахивать вилами и орать на весь двор:

– Не подходи ко мне! Всех порешу! И эту стерву заколю!..

Дальше шел сплошной мат, в котором Крячко ясно слышал жаргонные словечки, бывшие в ходу у блатных и людей, отсидевших когда-то в колониях и нахватавшихся там этого словесного хлама. Люди, столпившиеся у забора, тихо переговаривались, кто-то из женщин визгливым голосом пытался урезонить дебошира. Пара пожилых мужчин осаживала их, чтобы не заводили Кольку, как, судя по всему, и звали этого типа.

Именно Николая Герасимова по кличке Гера Крячко и искал. Кто-то из соседей узнал одного из собутыльников, пивших с Осиповым у него в доме в прошлую трагическую ночь.

– Его Николай зовут? – уточнил на всякий случай Стас. – Герасимов?

– Он самый, – недовольно проворчал один из пожилых мужчин. – Известный у нас смутян и пьяница. Как напьется, то или жену гоняет, или соседей донимает. Уже сколько раз в полицию его сдавали и воспитывали. А он хоть каплю в рот вошьет, так совсем разума лишается. И нынче вон за участковым послали, а он куда-то запропастился.

– И как она с ним живет? – снимая пиджак и засучивая рукава рубашки, заметил Стас. – Бросила бы этого пьяницу.

– Ну а куда ей с двумя детьми? – всхлинула женщина, стоявшая неподалеку. – Дом-то его, он ее сюда привел, она же не местная. Некуда ей идти.

– Он когда трезвый-то – золото, – вздохнула вторая женщина. – И девчонки от него без ума. Он их только что на своем загравке не катает и балует сладостями. А как выпьет, будто подменили человека. Дурак дураком. Приревновал Валентину, что ему в голову взбрело, что приснилось, кто ж теперь угадает.

– Ладно, понял я вас, граждане! – кивнул Крячко и протянул пиджак одному из мужчин: – Подержи-ка, папаша.

После чего одним махом перепрыгнул через невысокий забор и пошел к хозяину дома, отряхивая на ходу ладони.

– Эй, Гера! – громко крикнул он на весь двор. – Ты чего раздухарился?

– Стой, не подходи! – заорал мужик, размахивая перед собой вилами, как секирой.

– Нужен ты мне подходить к тебе! – так же громко отозвался Стас и остановился, уперев руки в бока. – Сам подходи! Ты меня звал, вот сам и иди ко мне.

– Ты кто? – Интонации у пьяного стали чуть ниже.

Герасимов явно озадачился появлением этого странного человека. Он не мог вспомнить, знает его или нет. Но ведет себя незнакомец так, будто они знакомы. Крячко старательно отвлекал на себя буяна, стараясь, чтобы тот забыл о жене и детях. Ему ведь ничего не стоит сейчас развернуться и нанести удар ржавыми вилами. Тогда много горя будет в семье.

И тут в голове алкоголика вдруг все сдвинулось снова в одном направлении. Ревность, появление какого-то мужчины! Все это связалось в пропитанном алкоголем мозгу воедино и

родило бурю, бешеный всплеск эмоций, неуправляемую агрессию. Герасимов вдруг закрутился на месте, бросая взгляды то на жену, то на неожиданного гостя, заревел как бык, и было непонятно, на кого он бросится первым. Опасаясь, что обезумевший ревнивец кинется на жену и детей, Стас активно начал привлекать его внимание к себе.

– Ты мне денег должен, забыл, падла? Кинуть решил кореша?

Стас нес подобную ахинею и приближался к Герасимову, стараясь не стоять на месте. Он перемещался то вправо, то влево и все время постепенно шел на сближение. Мужчина тоже крутился на месте, бросая взгляды то на дом, то на соседей, столпившихся за заборчиком, то на неизвестного, который говорил что-то обидное. Какие бабки, какой долг, он что, за фраера его держит?! Кто-то неудачно облокотился на заборчик, и тот с треском повалился. Перепуганный и загнанный в угол, Герасимов заорал и, широко размахнувшись, швырнул вилы в Крячко. Ржавое железо пролетело в нескольких сантиметрах от плеча сыщика и со страшным скрежетом врезалось в кирпичную стену.

Стас чуть не упал, успев в последний момент увернуться от вил, брошенных с такого близкого расстояния. Но теперь уже такой опасности не было, и он бросился на Герасимова. Бледная от ужаса женщина продолжала прижимать к себе детей. Бить и калечить мужа при ней нельзя, да и необходимость в этом отпала. Но, как всегда говорил старый друг и напарник Гуров, возможность извлекать воспитательный момент нужно использовать всегда.

Упав на бок и проехав по траве почти метр, Крячко сбил Герасимова с ног, обхватил его руками, прижав к земле. Несколько самых храбрых женщин бросились во двор.

– Уведите ее отсюда! – закричал Стас, придавив противника своим весом, продолжая перехватывать руки мужчины и не давая ему возможности вырваться.

Жену увели, кто-то подхватил на руки детей. Ну, все, подумал Стас, теперь можно и не церемониться. Он завернул одну руку Герасимову за спину почти до затылка, рывком поднял его с земли и поволок к дому. Гера вырывался, орал, но вырваться из цепких и умелых рук сыщика не мог. Затащив свою жертву в дом, стучаясь о косяки и роняя стулья, Крячко дотащил Герасимова до ванной комнаты. Открыв воду, он свалил мужчину, как свиную тушу, в ванну и стал поливать его из душевой лейки. Герасимов отбивался, плевался, захлебывался, кашлял и страшно матерился. Но постепенно все, что происходило на улице, все его фантазии о ревности отошли куда-то на задний план, остался только неизвестный человек, который был сильнее и который обливал его зачем-то водой.

Один стресс заменил другой. И когда Герасимов перестал угрожать, а начал уже просить прекратить холодный душ, Крячко ослабил хватку и отвел дешевую лейку в сторону. Мужик откинулся на стену, таращась на неизвестного, и откровенно клацал зубами от холода. Он обхватил себя руками за плечи и спросил, еле шевеля посиневшими губами:

– Ты кто? Что тебе надо?

– О, какой прогресс! – восхитился довольный Крячко. – Еще один умный вопрос, и я тебе дам полотенце. А уж если начнешь правдиво отвечать на мои вопросы, то я тебе и из ванны вылезти разрешу.

Герасимов сжал лицо руками, потряс головой, как будто выходя из страшного сна. Под ногами у него хлюпало, брюки прилипли к телу, кровь с разорванной майки медленно стекала, растворяясь в воде бледно-розовыми струйками. Он посмотрел на кровь, задрал майку, убеждаясь, что никаких ран на его теле нет, потом хмуро спросил:

– Че было-то?

– Хороший вопрос, – согласился Крячко.

Молодой бородатый доктор добродушно улыбался. Удивительно, но он совсем не был настроен мешать сыщикам, ограничивать их в чем-то или ставить иные препятствия в их работе.

- Так с ним можно побеседовать?
- Можно, беседуйте, – кивал доктор.
- А как себя чувствует Осипов? Не опасно его напрягать?
- Нет, напрягайте, – пожал плечами врач.

Гуров непонимающе смотрел в его улыбающиеся глаза. Веяло от этого человека уверенностью, невозмутимостью. Пришлось вопрос ставить ребром. Оказалось, что Осипов потерял не так уж и много крови, как показалось Крячко. Сутки под капельницей, соответствующие препараты да сильный организм у раненого – вот и вся загадка. А нож просто расслоил мышцы, не задев внутренних органов.

– Меня не физическое состояние Осипова беспокоит, – признался доктор. – Моральное угнетение у него. Есть не хочет, в потолок все время смотрит и не разговаривает. Вы думаете, что я вас с такой готовностью к нему пропускаю, потому что мне все равно или потому что Осипов так прекрасно себя чувствует? Ничего подобного. К другому я бы и близких родственников не пустил, а к нему даже вас пушу. Если он сам не захочет выздоравливать, то медицина бессильна. А потенциал у него приличный, это я вам правду сказал. Сильный организм, и сопротивляемость, и потенциал самовосстановления высокие. Регенерационные процессы на высшем уровне. Поэтому мне и хочется, чтобы его хоть кто-то расшевелил. Если, конечно, вы его своими разговорами совсем в тоску не вгоните. Он не убийца, не маньяк какой-нибудь?

– Нет, все нормально, – облегченно ответил Гуров. – Он – бывший полицейский, только недавно оставивший службу. А разговор пойдет о том, кто его ножом пырнул. Ну, и еще кое о чем из его прежних дел, где нужна его профессиональная консультация.

– Ну, будем надеяться, – решительно встал доктор, предлагая полковнику следовать за ним.

Когда Гуров с врачом вошли в палату, Осипов лежал на спине и смотрел в потолок. Небритый подбородок, острые скулы, темные круги под глазами и пустые глаза. Нет, понял Лев, подойдя ближе, не пустые. В них боль, отчаяние, просто этот человек никого в себя не пускает. Что же ты так, старший лейтенант? Врач подошел к больному, посмотрел на него и, видимо, удовлетворившись внешними признаками, кивнул Гурову и вышел из палаты.

Лев Иванович подошел к окну, постоял, глядя на больничный двор, потом заговорил:

– Погода там ты не представляешь какая. Тепло, тихо и птицы! Я вчера ехал через парк, а там белки скачут, у ребятишек из рук орехи берут. Зверушки, они ведь все чувствуют, их не обманешь. Они сразу видят, есть опасность или нет ее.

– Вы кто? – хрипло и неприязненно осведомился раненый.

– Как-то ты не очень вежливо обращаешься к полковнику полиции.

– А мне все едино: что полковник, что генерал. Я в органах больше не служу. Свободный человек я теперь.

– И я свободный, – пожал плечами Гуров, подошел к кровати и уселся на стул, закинув ногу на ногу. – В нашей стране все свободные люди, Осипов. Рабство и крепостное право отменили двести лет назад. Или около того.

Осипов молчал. Но было понятно, что на душе у парня кошки скребут, в том числе и из-за его увольнения из полиции. События прошлой ночи его тоже волнуют, если он хоть помнит, что там у них между собой произошло. А ведь парня надо спасти, подумал Лев. Его еще можно спасти, пока он совсем не опустил, не пропал как личность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.